Халина Вашкелевич

Канцелярист обезьяньего царя Асыки Алексей Ремизов и его ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ

Алексей Ремизов играет в русской литературе довольно странную роль. Редко кто читал его произведения, однако все знают, что такой писатель существует, что его творчество заслуживает особого внимания, хотя вроде бы оно уж очень непонятно, вычурно и странно. Знаменательно, что такое суждение присуще не только сегодняшнему читателю, для которого произведения Ремизова остаются в своем большинстве все же еще недоступны, но также и для читателей, современных писателю. Иначе говоря, Ремизова больше знали, чем читали, т.е. в центре интереса находились не произведения писателя, но он сам. Воспоминания тех, кто помнил Ремизова, подтверждают столь характерную для начала века ориентированность на личность писателя. Друзья и знакомые Ремизова обращали внимание прежде всего на странную, по их мнению, внешность писателя, рассказывали о нем анекдоты, подчеркивали его склонность к «безобразничанью», его страсть к розыгрышам, к литературной шутке. Показательны слова Горького, который в 1905 году упрекал Ремизова:

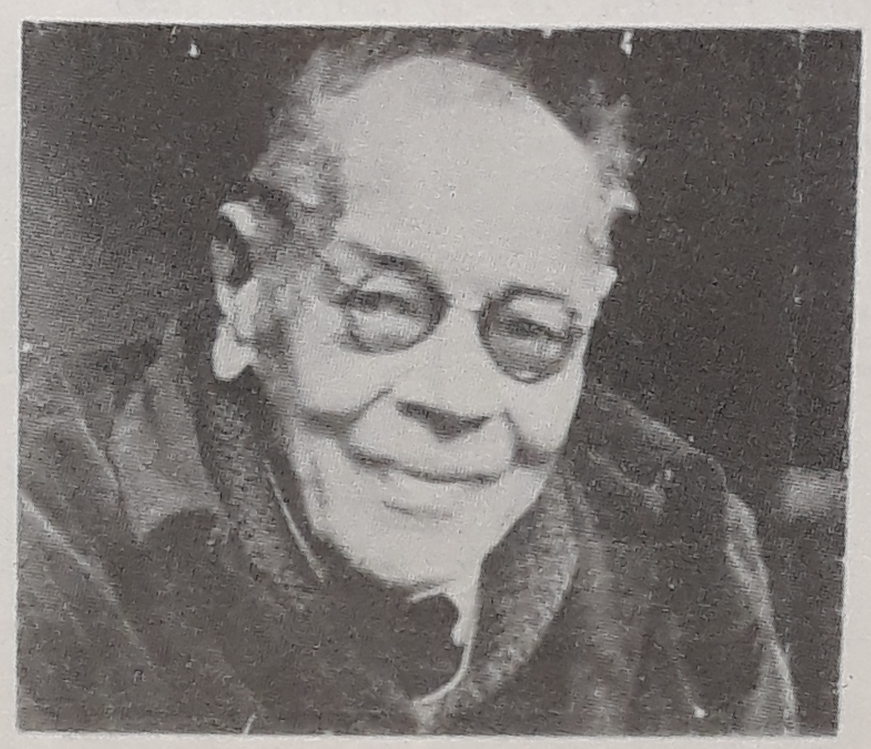
«...вы, видимо, талантливый человек и, право, жаль, что входите в литературу, точно в цирк, — с фокусами, а не как на трибуну — с упреком, местью».

Показательно также, что почти каждый из мемуаристов упоминает о компанейской игре, которую затеял Ремизов в петербургском писательском кругу, игре, связанной с неким тайным обществом, которое называлось ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ, т.е. Обезьянья великая и вольная палата. Факт, что почти все мемуаристы сосредоточивали свое внимание на внешнем облике, действии (анекдоты) и игровом аспекте поведения Ремизова, наводит на мысль, что эта зрелищность и театральность являются чем-то случайным, а, напротив, целенаправленным, даже вплоть до сознательной писательской автокреации, где создавание самого себя является процессом равноправным, если даже не превалирующим над сугубо литературной деятельностью.

Об Обезвелволпале мы знаем, что он возник после приезда Ремизова в Петербург, т.е. после 1905 года. Кстати, оказывается, что это не была первая такого рода затея, так как еще в ссылке Ремизов создал с друзьями подобное предприятие, именовавшееся ССА, т.е. Союз свободных алкоголиков. Члены союза встречались преимущественно в бане.

Об Обезвелволпале сказано довольно много, хотя все сведения, не исключая объяснений самого Ремизова, касаются, пожалуй, лишь зрелищной, поверхностной стороны явления. Итак, отмечается, что членом Обезвелволпала становился избранный Ремизовым человек, после того как писатель вручал ему в атмосфере почти таинственного заговора особую, художественно оформленную грамоту. В грамоте член палаты возводился в определенный обезьяний чин, т.е. мог стать обезьяньим князем или кавалером. Иногда определялась его должность — Розанов, например, был признан фаллофором. Новый посвященный принимал нередко новое имя. Так, например, Замятин стал Замутием, Бунин — Великим Муфтием и т.д. Со временем узкий круг членов Обезвелволпала расширялся, игра продолжалась также и в эмиграции, в Париже, и даже в одно время, о чем уведомляет Н.Резникова, стали говорить о необходимости провести в рядах Обезвелволпала чистку. Последующая массовость организации, задуманной как тайная, казалась бы парадоксальной, но все же кажется, что «массы» здесь всего лишь побочный результат, а сама сущность явления заключается именно в самом обряде, в возможности воспроизводить его бесконечно. Возникает вопрос, что заключал в себе для Ремизова этот ритуал, чем он прельщал писателя до конца его дней, т.е на протяжении пятидесяти лет?

Как пишет С.Н.Соколов, внучатый племянник Ремизова, московский синолог, Обезвелволпал имел свое начало в обыкновенной детской игре. Первым, кто получил славный «обезьяний знак», была мама С.Н., маленькая тогда Ляляшка. В игре с детьми Ремизова увлекала прежде всего магия так легко в обществе детей возникающей фикции. Как одну из причин «долговечности» Обезвелволпала Ремизов указывает также на возможность в столь тяжелые дореволюционные и эмигрантские времена отблагодарить друзей за добрые дела грамотой, нарисованной художественно, собственноручно. Принимая во внимание эти объяснения, мне все же кажется, что игра Ремизова составляла какой-то вид иносказания, пользующегося определенным кодом. Материалом для его расшифровки могут послужить, кроме сведений о ритуале Обезвелволпала,



также конституция и манифест палаты, установленные в 1908 году и приведенные полностью в книге «Взвихренная Русь», напечатанной в 1927 году.

КОНСТИТУЦИЯ

1. Обезвелволпал (обезьянья-великая-и-вольная палата) есть общество тайное —
происхождение — темное,
цели и намерения — неисповедимыя,
средств никаких.

2. Царь обезьяний — Асыка-Валахтан-тарарахтарандаруфа-Асыка-Первый Обезьян-Великий:
о нем никто ничего не знает,
и его никто никогда не видел.

3. Есть Асычий Нерукотворный образ — на голове корона, как петушиный гребень, ноги — змеи, в одной руке — венок, в другой — трехвостка.

4. Гимн обезьяний:
я тебя не объел,
ты меня не объешь,
я тебя не объем,
ты меня не объел!

5. Танец обезьяний: «вороний» — в плащах, три шага на носках, крадучись, в стороны и подпрыг наоборот с присядом и опять сначала.

6. Семь князей. Семь старейших кавалеров-вельмож, ключарь, музыкант, канцелярист и сонм кавалеров и из них служки и обезьяньи полпреды.

7. Три обезьяньих слова: «ахру» (огонь), «кукха» (влага), «гошку» (еда).

8. Принято отвечать на письма.

Ремизов называл Обезвелволпал «театром без грима и масок». Сущность этого театра станет понятной, если воспринимать ее через народную смеховую культуру. Здесь пародируется высший владыка, царь, со всеми присущими высшей, божественной власти атрибутами, т.е. магическим именем, нерукотворным портретом, гимном, танцем, свитой, языком. Здесь мы имеем дело со средневековым типом пародии, сосредоточивающей внимание прежде всего на форме и демонстративно обнажающей нереальность указываемой действительности. И даже если учесть, что Асыка, как установил С.Гречишкин, — это последний вождь манси-вогулов, племени, которое было языческим еще в XVII веке и которое заселяло территорию вокруг Усть-Сысольска, куда сослан был Ремизов, то все же надо признать, что исторический прототип имеет лишь косвенную связь с царем Асыкой из Обезвелволпала.

Согласно поэтике народной смеховой культуры, выдвижение на первый план пародии формы за счет умаления содержания было неким способом иносказания. Не скрывается ли подобная иносказательность и в образе Асыки?

Портрет Асыки — корона, как петушиный гребень, змеиные ноги, в одной руке венок, в другой трехвостка — имел не только свое словесное выражение, но также пластическое: он находится на печати, помещаемой на грамотах Обезвелволпала. Интересное наблюдение приводит С.Доценко, который обнаружил, что графический образ Асыки «восходит к иконографии божества гностической секты Василида — Абраксаса». Здесь следует подчеркнуть столь характерное для интересующего нас явления табуирование имени, бессмысленность которого оказывается мнимой. Кстати, имея в виду наружность обезьяньего царя Асыки, нельзя больше удивляться, почему в одном из снов Ремизова из цикла «Бедовая доля» «предводитель шимпанзе (...) прокричал (...) трижды петухом».

В той же поэтике народной смеховой культуры выдержан «Манифест» Обезвелволпала:

МАНИФЕСТ

Мы, милостью всевеликого самодержавного повелителя лесов и всея природы —

АСЫКА ПЕРВЫЙ

верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, омрачившее свет мечты и слова, объявляем хвостатым и бесхвостым, в шерсти и плешивым, приверженцам нашим, что здесь, в лесах и пустынях, нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие, и их нельзя подделать, и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни приукрашивались; а потому тем, кто обмакивает в чернильницу кончик хвоста или мизинец, если обезьян бесхвост, надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей в своем рабьем присяде, как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве, и всякия попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих, этих достойных сообщников лицемеров и трусливых рабов из обезьян, о чем объявляем во всеобщее сведение для исполнения: дан в дремучем лесу на левой тропе у сороковца и подмазан собственнохвостно: скрепил и деньги серебряной бумагой получил бывш. канцелярист обезвелволпала cancellarius

Пожалуй, в «Манифесте» еще больше, чем в «Конституции» Обезвелволпала, бросается в глаза одна из существеннейших черт народной смеховой культуры, а именно восприятие мира как единства противоположных, но как будто зеркально отражающих друг друга ипостасей. Ведь за изнаночной картиной мира существует его обратная, лицевая сторона. Игровое единство этих двух сторон мира достигается, как правило, при помощи приема с м е н ы м е с т.

Ремизов явно обыгрывает в манифесте дарвиновскую концепцию развития человека, только у Ремизова, наоборот, обезьяна выше, т.е. лучше, а вернее, человечнее человека. Н.Резникова пишет:

«Обезьянья палата не имела отношения к настоящим, живым обезьянам, да А.М. и не любил их. Он брал их только символом свободы, своеволия и неподчиненности человеческим правилам и нормам. Обезьянья Великая и Вольная Палата была открыта для людей, способных в жизни глубоко и бескорыстно интересоваться, творчески любить и переживать что-то, выходящее из строя повседневных интересов, дел и нормальных занятий, приводящих к нормальной цели. Люди становились друзьями Ремизовых и принимались в Обезвелволпал по тому же самому признаку, влечению к чему-то необычному, оригинальному, "бесполезному"».

В «Манифесте» намечаются также такие черты народной смеховой культуры, как перенесение действия в мир животных, применение точных топографических данных (в дремучем лесу на левой тропе у сороковца).

Как уже было сказано, выдержанные в поэтике народной смеховой культуры «Манифест» и «Конституция» Обезвелволпала составляли часть игрового ритуала, который Ремизов воспроизводил в компании на протяжении полувека. «Бывший канцелярист» вручал предстоящим кавалерам грамоту от имени обезьяньего царя, т.е. фактически от своего собственного имени. Таким образом наступала чудодейственная смена мест, и тогда исчезала столь удручавшая Ремизова, особенно на первых порах в Петербурге, ситуация новичка и провинциала.

Ремизов, выходец из купеческой среды, уже в начале своего писательского пути, сразу после переселения в 1905 году в Петербург, томился в атмосфере непризнания. Властителями умов и сердец в петербургском кругу были тогда Мережковские. Говорят, Бердяев, знавший Ремизова еще по вологодской ссылке, помог ему выхлопотать разрешение поселиться в столице, в надежде, что последний составит со своей женой эффективный противовес чете Мережковский—Гиппиус. Как можно полагать, надежды Бердяева оправдались вполне. Помпезность философско-религиозных «служб» в салоне Мережковских не пришлась Ремизову по вкусу, и он стал охотно и успешно исполнять роль шута. В такой атмосфере возникла Обезьянья Великая и Вольная палата.

Все же затеянная Ремизовым игра прельщала многих. Как вспоминает Н.Резникова, «Горький при получении грамоты был в восторге. "Пешковы стали князьями", — говорил он, смеясь». Итак, в этой игре не было проигравших, все получали дворянское звание.

Обезвелволпал не был каким-то случайным, периферийным эпизодом в жизни его создателя — он был специфической художественной деятельностью, позволяющей, между прочим, выявлять подспудные психологические побуждения самого автора.

Он всегда пребывал в типично «крамольном» пространстве, т.е. всегда чувствовал себя в н е . Характерным для модернистского восприятия пространства было именно сознание положения вне пространства, и в этом Ремизов оказывается типичен для эпохи. Его оригинальность заключается, в частности, в умении возобновить тот, казалось бы, ушедший уже культурный код юродствования.

Юродство этого модерниста не ограничивается лишь условиями компанейского общения. В общем, все творчество Ремизова задумано в категориях изнаночного мира.

Литература казалась Ремизову бесконечной цепью литературных переработок. Например, в романе «Крестовые сестры» он пересказал «Преступление и наказание», в романе «Пруд» — «Братьев Карамазовых», в повести «Пятая язва» — пьесу Гоголя «Ревизор», а свой вариант «Мертвых душ» озаглавил «Огонь вещей» и т.д. С таким же усердием писатель переделывал свои собственные произведения.

Подытоживая, можно сказать, что Ремизов подверг модернистское содержание старинному, но все еще живучему древнерусскому культурному коду. Модернистская оппозиция в отношении действительности нашла в Ремизове актера, который в наряде юродивого принимал участие в разыгрываемой на собственный лад психодраме.

Краков

Подготовленный специально для «РМ» вариант доклада, прочитанного на симпозиуме «Литература и игра» (Лодзь, 3—5 июня 1991).

Опять что-то неуместное представилось мне: этот холодный, пронзительно-белый, нелюдимый Север, весь в оленьих рогах и собачьих упряжках, двое в меховых капюшонах, в расшитых унтах, идут по его вечной мерзлоте, и полярное солнце режет их настойчивые застекленные зрачки. И вдруг... Что это, Герман? Из белого снега торчит кусок черного мрамора, причудливо изогнутый. Но это не мрамор. Черт побери, это не мрамор, не мрамор, Арнольд! Это мамонт, вернее, то, что осталось от него за сорок тысяч лет. И еще один, прямо тут же. Друг, обними меня. Сдержанное объятье, рюмочный звон заледеневших мехов при сближении. Ведь это еще один бивень, видишь? Такой же. Вместе, стало быть, два бивня. Как завороженная, я смотрела на печально усмехающиеся тонкие губы. И вдруг Ричард тревожно кашлянул. По его вопросительным глазам я поняла, что американский писатель слегка запутался. Он так и спросил, с завидной прямотой:

«А что это такое все-таки би-в-ня?»

«Ричард! — воскликнула я. — Это клык. Ну, у мамонта, у древнего зверя».

«Ага? — удивился он. — А множественное число будет бивня?»

«Не совсем, — я смутилась, правила русского произношения показались мне ненужно вычурными. — Это, скорее, родительный единственного. У тебя, к примеру, нет — чего? Би-в-ня!»

«Бивэн, бивнья, — скороговоркой запомнил Ричард. — Бивэн, бивнья...»

«Продолжаю, — спокойно сказал Арнольд. — Располагая этими сокровищами, мы хотели подарить их английской королеве».

Блаженство охватило меня, и радостный холод пополз по затылку. Жизнь была расточительна, остроумна, прекрасна. Она сама писала о себе книгу и не нуждалась ни в Гоголе, ни в Булгакове.

«Но почему, — умилилась я. — Почему вы хотели подарить английской королеве»?

«А потому, — и зеленые глаза его слегка прищурились. — А потому, что все остальное у нее, скорее всего, есть».

Как проста истинная гениальность! В самом деле, сидит за морями за долами, в голубом перманенте, английская королева в обнимку со своим Биг-Бэном, почистит корону мелом и тоскует: «Всё, всё у меня есть! Вот он, Вестминстер, пожалуйста, как новенький, вон лошади пасутся, лорды пошли заседать в палату, всё у меня есть, а бивней нету! NONE!» И свет ведь ей не мил, английской королеве...

«Мы думали, — спокойный голос Арнольда прервал нечеткий поток моего сознания. — Мы думали приурочить подарок ко дню ее рождения...»

Вот это да! — сверкнуло во мне. — Вот это да! Пока она там тоскует, места себе не находит, в сердце Ленинского проспекта, в тополином пуху, сидят-не-спят Герман с Арнольдом, боясь пропустить день ее рождения!

«Но мы опоздали! — он нахмурился. — Мы опоздали из-за бюрократии, которая всегда в ходе. Так что теперь мы на распутье».

Продолжение следует

НОВАЯ КНИГА

геннадий айги

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

265 экз. 33 стр. 60 фр.

Продается в русских книжных магазинах Парижа и у издателя по адресу:
Nikolaï DRONNIKOV
87, rue Maurice Thorez
94200 IVRY - Tél. 46.70.21.27.

Эта же книга напечатана в виде открыток. Имеется всего 50 экземпляров. Цена 60 фр. Продается только у издателя.